

19 МАЯ 1986

Ленинградская правда

РАЗМЫШЛЕНИЯ
ПОСЛЕ ВЫСТАВКИ

ДРАМАТУРГИЯ ЦВЕТА

ТВОРЧЕСКОЕ своеобразие ленинградского живописца Германа Егошина, выставка произведений которого состоялась в Большом зале ЛОСХа, заметно сразу. Но, пытаясь определить его словесно, невольно отмечаешь то, чего в работах художника нет и, очевидно, не следует искать. Нет интригующего развития сюжета, нет психологического диалога персонажей, нет острых сопоставлений, рождающих неожиданные ассоциации. Тем не менее человеку, которому понятен язык живописи, от этих работ — будь то изображения крымских гор или ленинградских улиц, цветов или кухонной посуды, — трудно оторваться. В чем же причина того, что их хочется «впитывать» глазами?

Существует легенда о Паганини. Коварные недруги надрезали струны на его скрипке, и они рвались одна за другой во время исполнения музыкальной пьесы. Но артист блестяще закончил ее, играя на одной струне...

В ИСТОРИИ искусства вообще и особенно в искусстве XX века есть немало примеров того, как художники как бы сами «обрывали» свои струны, — намеренно ограничивали диапазон выразительных средств. Кажется, из всей их клавиатуры Егошин оставляет в своем распоряжении только цвет. Кажется... Однако пристрастие к цвету для художника — отнюдь не культ краски. Красочная палитра Егошина — область напряженной драматургии. Цвет в его полотнах то еле теплится, то воспламеняется, то горячо вспыхивает, то вновь затухает. Один оттенок противопоставлен

другому и в то же время находит отклик в другом. Все связано, одухотворено живым, пульсирующим ритмом.

Вглядываясь в работы живописца, начинаешь осознавать, что он в совершенстве обладает чувством целого, чувством композиции. А за этим — широкий спектр душевных состояний. В пейзаже «Темные деревья» — осеннее ненастье. Деревья ходят ходуном, перечеркивая небо. Подвижным кажется строй красок: к нему передается стесняющее дыхание настроение тревожного беспокойства. Другая работа — «В горах под Коктебелем». Красочные мазки исподволь, посте-

пенно воздвигают горный массив, проступающий в умиротворенной воздушной синеве. От пейзажа веет возвышенной просветленностью.

Итак, не только цвет, но и его разработка: основная колористическая тема — и бесчисленные вариации. И когда холст заставляет «погружаться» в свою завораживающую глубину, мы ощущаем его цветное многоголосье.

В современном мире с его стремительными скоростями живописец словно бы говорит: «Оглянитесь! Сосредоточьтесь!» — и вы увидите, какая увлекательная сложность заключена в кажущейся простоте, какой захватывающий микромир живописи таится вокруг нас». И нет ли здесь своеобразного отклика на те сложности, которые характерны для духовного мира современного человека.

Картина «Салют» поначалу озадачивает своей сумрачностью. Казалось бы, избранный мотив, ассоциирующийся прежде всего с праздником, должен быть радужно-ярок.

Однако именно колористической сложностью образа художник уходит от однозначного мажора. В мирном салюте для нас еще ощутим привкус военного пороха, дыма и пепла. Так, чисто изобразительная сторона оказывается и смысловой, которая проясняется для зрителя при длительном «собеседовании» с картиной живописца. Этому способствует и художественная манера автора: картина словно бы вяжется, плетется, как гобелен из цветных нитей.

Порой мы замечаем, что в работах художника, скажем, в его натюрморте «Свеча и раковина» между предметами нет многозначительных смысловых связей. Отдельные образы у Егошина обычно не несут метафорической нагрузки. Но зато метафорична вся его живопись, как бы растущая, саморазвивающаяся, стихийная и в то же время организуемая творческой волей художника.

По мысли художника, само восприятие живописи есть процесс уважительный, торжественный. Мало что говоря ми-

молетному взгляду, она требует вдумчивого прочтения. На это рассчитаны висящие в музеях картины старых мастеров. Их традиции по-своему развивает и Егошин.

Свой самостоятельный путь в искусстве он начинал в конце пятидесятых годов. Навсегда запомнились выставки Кончаловского, Петрова-Водкина... Новые горизонты и новые проблемы... Не случайно важным этапом творческого становления живописца явилась картина «Маяковский», также представленная на выставке. Мужественный, резко выраженный ритм этой работы декларировал напрямую переключку двух эпох, преемственность художнических поколений.

Со временем юношеская угловатость проходит. Сильнее сказывается жажда уловить внутреннюю связь между людьми, между человеком и окружающими его вещами. Картина «Черноморские рыбаки» утверждает мудрое равновесие природного и человеческого начал. В пейзажах стало больше света, который пронизыва-

ет и одухотворяет эти работы. Сама живопись видоизменяется, делаясь более воздушной, легкой, трепетной.

Авторскую позицию наглядно выражает картина, наверное, запомнившаяся зрителю, — «Концерт старинной камерной музыки». Здесь отчетливо прослеживается тема духовного общения людей. К такому общению со зрителем ищет путь и художник. Он стремится уловить гармонию в сложном звучании оркестра современной действительности.

...**ДОГОВАРИВАЯСЬ** с Германом Егошиным о встрече, я спросил его: «Как работаете?» — «Как на галере», — ответил он. Позже, когда мы, возвращаясь из мастерской художника, шли с ним вместе к метро, мне вновь припомнились эти слова.

По пути, слева от нас, поднимались высокие корпуса новостроек. И Герман сказал: «В этих домах будут мастерские для художников, какие-то необыкновенные... А я привык и своей мастерской, люблю ее. Каждое утро иду сюда и волнуюсь. Как на свидание».

«Как на свидание» — и «Как на галере». Эти фразы, пожалуй поразящие своей полярностью, несовместимостью, точно передают суть отношения художника к своему делу: преданность искусству, готовность отдать ему всего себя.

Л. МОЧАЛОВ,
кандидат
искусствоведения